

Надежда Валерьевна Липатова,
кандидат исторических наук, доцент
(г. Ульяновск)

ОШИБКА РЕГИОНАЛЬНОГО МАСШТАБА

Хлебная монополия Временного правительства и ее последствия*

В условиях экономического кризиса и революционной ситуации хлеб становится не столько символом, сколько условием выживания. Слова «хлеб» и «война», несмотря на базовое различие, оказываются в одном ряду, более того, в одном строю. В связи с этим война за хлеб стала определяющей в жизни страны в 1917 г.

25 марта 1917 г. Временное правительство издало закон о хлебной монополии. По замыслу законодателей в каждой губернии органы местного самоуправления должны были передать полномочия и обязанности по снабжению населения продуктами питания в созданные продовольственные комитеты¹. Ситуация была по меньшей мере странной. Передав обязанности, органы самоуправления оставили за собой право контроля над деятельностью продовольственных комитетов и уже образованных Советов, так как продовольственный вопрос был наиболее животрепещущим (в этих структурах имелись свои продовольственные подразделения).

У семерых няnek, как известно, дитя без глаза. Та же участь часто постигала запасы хлеба и продовольствия. Чрезвычайность и «новый» подход к продовольственному делу не улучшили ситуацию. «Непрозрачность» действий по распределению и учету продовольствия давала возможность скрыть факты злоупотреблений в снабжении населения, прежде всего спекуляций нормированными товарами². Местные власти неоднократно обращались в центр, обвиняя Временное правительство в создании инфляционной модели, с предложением снизить закупочные цены. В частности, с таким обвинением выступили саратовские власти, где продовольственный комитет в городе и губернии начал борьбу с перекупщиками, спекулянтами, преимущественно солдатами и крестьянами, торговавшими на черном рынке зерном³. В свою очередь местные Советы объявили о «походе за продовольствием» и начали обыски мельниц, складов и частных домов⁴.

Удалось ли правительству реализовать свой замысел, и каков был реальный результат. Рассмотрим этот вопрос на примере материалов поволжских губерний (Самарской, Саратовской и Симбирской). Значительная часть примеров локализуется в Симбирской губернии.

Хлебная монополия: опыт и правовая основа

Кто обладает продовольствием, тот владеет ситуацией, там более в военное и революционное время. Вопросы: «Кому принадлежит урожай?», «Кто является собственником хлеба?» становятся решающими. Еще Французская революция объявила крестьян не владельцами, а держателями хлеба⁵. Муниципалитеты забирали хлеб по низким ценам и продавали на общественных рынках. Власти предписывали производить одинаковый для всех черный хлеб — так называемый хлеб равенства. Временное правительство в России вслед за французским опытом приняло решение о запрете выпечки и продажи

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15 — 31 — 12034.

белого хлеба, булок и печенья в целях экономии дефицитного масла и сахара⁶.

Опыт хлебной монополии был и у Германии. 25 января 1915 г. здесь появился закон о хлебной монополии. По всей стране вводились твердые цены, карточки и пайки. Все запасы зерна и муки объявлялись собственностью государства. Отличительной чертой немецкой хлебной монополии являлось участие в процессе учета продовольствия школьных учителей и учащихся старших классов. Крестьяне могли оставить себе 200 кг зерна на человека. Первоначально продажа сельскохозяйственной продукции под запрет не попадала, но уже с лета 1916 г. крестьянам требовалась особая разрешительная бумага на торговлю⁷.

В России идея хлебного контроля не была новой для Временного правительства. Еще царская власть столкнулась с трудностями хлебного снабжения и транспортным кризисом и пыталась найти выход. Министр земледелия царского правительства А. А. Риттих в начале 1917 г. объявил о смене системы закупок продовольствия на разверстку необходимого количества хлеба для армии. Был даже озвучен первый план — 772,1 млн пудов хлеба за 35 дней⁸. В итоге лишь 10 % уездов Российской империи выполнили разверстку на 97 %⁹.

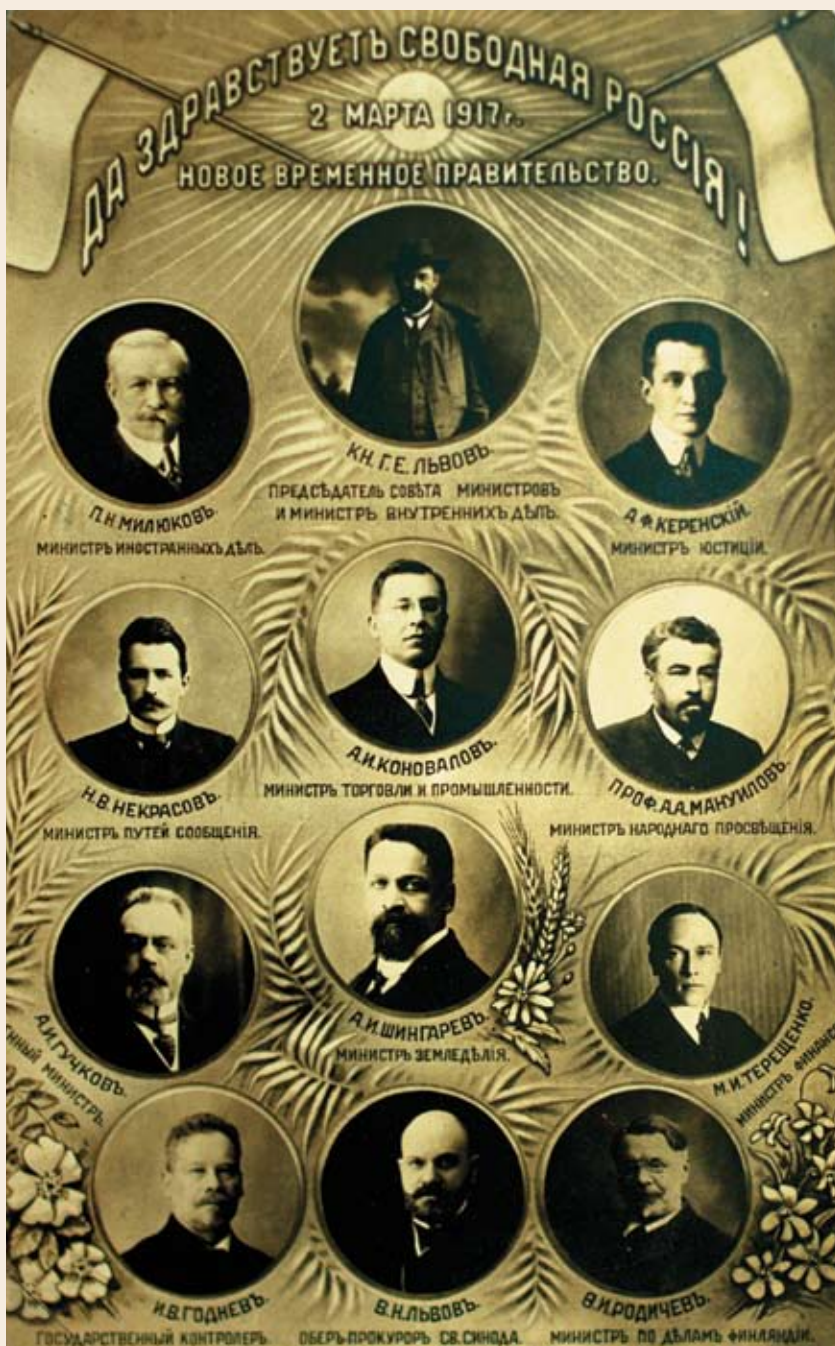
Два ключевых вопроса — «Кому принадлежит хлеб?» и «В чьи руки непосредственно попадет распоряжение продовольствием?» — разрешились с помощью новых постановлений уже Временного правительства 25 марта 1917 г.: «О передаче хлеба в распоряжение государства» и «Временным положением о местных продовольственных органах».

Закон «О передаче хлеба в распоряжение государства» стал основой всей продовольственной политики Временного правительства. Он состоял из двадцати двух статей, к

одной из которых, а именно к статье 9, касавшейся установления твердых цен на хлеб, имелось несколько приложений. Главным же положением закона стала статья 1, которая провозглашала: «Все количество хлеба, продовольственного и кормового, урожая прошлых лет, 1916 года и будущего урожая 1917 года, за вычетом запаса... необходимого для продовольствия и хозяйственных нужд

владельца, поступает, со времени взятия хлеба на учет... в распоряжение государства и может быть отчуждаемо лишь при посредстве государственных продовольственных органов»¹⁰. Статья 3 закона нормировала потребление хлеба его производителями, сведя его до определенного минимума, необходимого для обсеменения полей, прокормления и хозяйственных надобностей. Этот

Временное правительство (первый состав)

Очередь за хлебом в Москве. 1917 г.

минимум был зафиксирован в статье 4, которая определяла нормы наличного хлеба, освобождавшегося от отчуждения. Закон установил и обязанность каждого владельца хлеба сообщить продовольственным органам сведения об имевшемся у него количестве хлеба (статья 5), что должно было проверяться местными продкомитетами (статья 7). Статьи 8 — 10 требовали сдачи хлебных излишков государству по твердым ценам по принципу франко станция — пристань, т. е. без всяких надбавок за доставку. Отчуждаемый в распоряжение государства хлеб подлежал равномерному распределению среди потребителей по особым продажным ценам, устанавливаемым в соответствии с твердыми ценами в местах закупок с прибавлением необходимых накладных расходов (статья 11). Закон запрещал залог хлеба и другие подобные операции «свободной торговли» (статья 20).

Состоявшее из сорока шести статей «Временное положение о местных продовольственных органах» поэтапно описывало порядок образования продовольственных комитетов (статьи 1 — 11), их функции (12 — 17), порядок деятельности (21 — 30),

права и обязанности продовольственных управ (статьи 31 — 44).

27 августа 1917 г. августа появился третий законодательный компонент хлебной монополии «Постановление Временного правительства об изменении и дополнении соответствующих статей постановления о передаче хлеба в распоряжение государства». Отныне всякий владелец хлеба был обязан по первому требованию местных продовольственных органов объявить о количестве и местонахождении его запасов, числе лиц, которые кормятся за счет его хозяйства, объеме зерна и площади посевов. Если обнаружится, что информация скрывалась или предоставлялась неточно, то выявленное зерно изымалось по цене, в два раза ниже первоначально озвученной для сдачи на ссыпной пункт¹¹. Правительство даже пыталось успеть за инфляцией и повысило твердые цены, однако ситуацию это не спасло — сдача хлеба шла очень плохо¹².

Временное правительство понимало, что в военных условиях необходимо предложить населению что-то в обмен. Поэтому хлеб определялся не только как необходимый продукт для снабжения армии и городов, но

и как эквивалент при обмене на промышленные товары, продаваемые по умеренным твердым ценам. Именно на этих условиях крестьянство и «согласилось» (так гласили официальные документы) на хлебную монополию, требуя введения такой же монополии на промышленные товары массового потребления¹³. Однако время показало, что обещание так и осталось обещанием.

Портрет губернии сквозь призму хлебной монополии

В 1917 г. по материалам анкет, обзоров и отчетов был составлен обзор организации продовольственного дела в революционной России¹⁴. При характеристике губерний внимание уделялось в основном хлебной монополии. Рассмотрим характеристику трех губерний — Самарской, Саратовской и Симбирской.

Самарская губерния была разделена на семь районов для учета и распределения продуктов. Учет по волостям и нормирование потребления проводили волостные комитеты. В губернии существовало около 150 кооперативов и союзов с элеваторами госбанка¹⁵. Ссыпные пункты были созданы при станциях и пристанях, где зерно и перерабатывалось. Свободные запасы были выявлены только в Бузулуке — 1 млн пудов хлеба. У населения хлеб имелся, но оно не спешило везти его на ссыпные пункты¹⁶. Самарская губерния была одна из немногих, кто мог похвастаться увеличением посевов по сравнению с 1916 г. и хорошим состоянием озимых. Также сообщалось об излишках хлеба в Бугульминском уезде (из него было вывезено 1,5 млн пудов), при этом семенной фонд, по мнению проверяющего, полностью сохранился. Бугурусланский продовольственный комитет, земская управа и комитет народной власти выполнили разверстку в 4,5 млн пудов и насчитали в качестве излишков 1 млн пудов. Са-

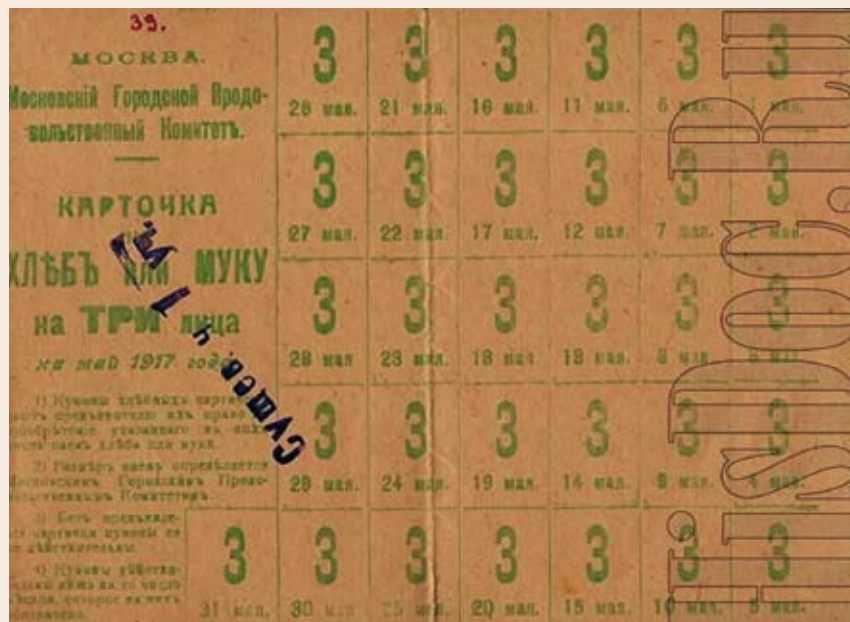
марский и Николаевский уезды Самарской губернии тоже сообщали об успешности посевной компании. В частности, в Николаевском уезде отмечалось увеличение крестьянских посевов за счет земель, которые были получены добровольно от помещиков. Нормы потребления продовольствия окончательно не были определены. Твердые цены по губернии так и не были установлены из-за отсутствия общественного контроля. Совет рабочих и солдатских депутатов участвовал в работе продовольственного комитета, посылая агитаторов и комиссаров в деревни, но с местными кооперативами и потребительскими обществами не сотрудничал.

Продовольственные организации в уездах Саратовской губернии характеризовались как очень слабые, а в волостях еще слабее. Без непосредственного присутствия представителей губернских властей и солдат, крестьяне даже не слушали местных управленцев. Особо отмечался как не признававший хлебную монополию Царицын. Вместе с тем в губернии хлеба было достаточно. В распоряжении продовольственного комитета на 13 мая 1917 г. было 187 вагонов пшеничной муки, 442 — ржаной, 1 696 — ржи, 762 — пшеницы, 46 — чечевицы, 26 — проса и 14 вагонов пшеница¹⁷. Главная сложность заключалась в разлаженности транспортного дела. Учет запасов был проведен нечетко и точных сведений не было: продовольствие имелось, однако никто не знал сколько. Зато в отличие от Симбирска нормы потребления население знало и привыкло к ним. В месяц на эти цели отводилось 50 фунтов муки и 1 фунт сахара. Об активности местного Совета сведения были представлены недостаточно, местные кооперативы и земства участие принимали слабое. Сведений о реквизициях нет, но отмечалось, что отношение населения к ним терпимое, местами доброжелательное, хотя и прослеживалось

недовольство масс твердыми ценами на хлеб и товары первой необходимости¹⁸.

Незначительная часть уездов Симбирской губернии нуждалась в хлебе, а юго-восточные уезды — Сызранский, Сенгилеевский, Буинский и Ардатовский — изобиловали им. В губернии ввели запрет на перевоз хлеба из одного уезда в другой. Особенно много хлеба имелось в чувашских и мордовских селениях («так как население в них более запасливое и бережливое»). Сбор зерна концен-

не уяснило значения закона о хлебной монополии, так как не было удовлетворено нормами, особенно кормовыми. Более того, железнодорожная разруха фактически демонстрировала пренебрежительное отношение к хлебу, зерно долго лежало на станциях в ожидании вагонов и паровозов. Участие Симбирского губернского Совета рабочих депутатов в продовольственном деле характеризовалось как энергичное. Оно состояло в рассылке газет и выступлениях солдат-агитаторов во всех волостях. Агита-

Пример продовольственной карточки г. Москвы

трировался на Волжской пристани откуда оно доставлялось в Москву и дальше в Рыбинск для перемолы. Были созданы губернский, волостной и городской комитеты, которые проводили учет запасов по деревням и уездам (в городах такой учет еще не организовали). Точных сведений о запасах продовольствия в губернии местные власти не имели, но сообщали, что во всех уездах хлеб имеется, а для более справедливого его распределения с 1 июля 1917 г. ввели хлебные карточки. Нормы потребления активно пропагандировались в селах, но население относилось к этому процессу недоверчиво и вообще их не воспринимало. Население

торам же были поручены учет хлеба и продовольствия, вывоз хлеба из деревни. Однако они не всегда справлялись с ситуацией. Например, в с. Атяшеве Ардатовского уезда Симбирской губернии двое солдат агитировали население против хлебной монополии и препятствовали реквизиции хлеба, несмотря на то, что изначально были отправлены «объяснять крестьянам необходимость сдачи хлеба на ссыпные пункты по твердым ценам». В с. Малячкине Сызранского уезда население не подчинилось требованию сдать хлеб, а солдаты, направленные «изымать хлеб силой», 28 августа 1917 г. поддержали крестьян¹⁹. Военный отряд,

Пример продовольственной карточки г. Москвы

отправленный в пос. Ишеевка Симбирской губернии для осуществления закона о хлебной монополии, губернскому комиссару Ф. А. Головинскому пришлось вернуть, так как солдаты с заданием не справились²⁰. В с. Загудаевка Симбирского уезда «чуть было не произошла братоубийственная схватка крестьян с солдатами-реквизиторами. Дело обстояло так. В Симбирск было сообщено, что загудаевцы, не признавая постановления Временного правительства о хлебной монополии, отказались дать хлеб. Тогда в Загудаевку из Симбирска для насильственной реквизиции был послан отряд солдат. Их встретили враждебно, с насмешками и издевками. Более зажиточные крестьяне настраивали обывателей против солдат, и дело грозило принять скверный оборот. Было выяснено, что «хлебный бунт» возник из-за председателя Загудаевского сельского комитета Козлова, который настраивал крестьян против выдачи хлеба государству. Затем в Загудаевку отправили более сильный отряд²¹.

Ощутимых результатов хлебная монополия не дала. 13 сентября 1917 г. губернский комиссар Симбирской

губернии направил телеграмму в Министерство внутренних дел, в которой говорил об острой нужде, наблюдавшейся в городах и уездах губернии²². Стоит отметить, что у каждого игрока в хлебной монополии была своя задача: кредитные товарищества исполняли посреднические операции, потребительские общества распределяли продовольствие, земские городские учреждения наблюдали и, по мнению губернского Совета, с этой задачей не справлялись. Несмотря

на то, что население было недовольно, прежде всего, твердыми ценами, они прочно вошли в жизнь крестьянства, что местные Советы приписывали себе в заслугу.

Итоги хлебной монополии: что получилось и почему не удалось?

Действительно, в условиях 1917 г. обмен хлеба на промышленные товары был единственным способом заставить крестьян отдать государству хлеб, ибо полное обесценение денег и товарный голод свели на нет прежние стимулы продажи крестьянами хлеба для армии и города. Необходимость снабжения деревни железными и скобяными изделиями, керосином, мануфактурой и обувью была очевидной. Попытка ввести твердые цены на промышленные товары провалилась. К осени 1917 г. крестьянин за пуд хлеба по твердой цене мог получить полфунта гвоздей или четверть аршина материи²³. Крестьяне оценивали хлебную монополию как организованный грабёж со стороны государства, так как цены постоянно поднимались.

Постановление по Симбирской губернии демонстрирует повышение от 7 до 40 %. На галантерею, обувь, детские игрушки, овощи, фрукты,

Продам хлеб — куплю заем Свободы

аптекарские и парфюмерные товары, предметы церковной утвари оптом — на 7 %, в розницу — на 15 %. Мануфактура продавалась оптом с наценкой 10 %, в розницу 30 %, бакалея — соответственно 7 и 17 %, готовое платье 10 и 15, ювелирные изделия до 75 руб. — 7 и 15, больше 75 руб. — 20 и 40 %. Хлопчатобумажную ткань можно было получить только по карточкам, и даже похоронные бюро увеличили расценки на 20 %²⁴.

Потерпели поражение оба элемента системы регулирования снабжения — ограничение норм потребления и равное распределение продуктов. Более того, стало ясно, что прежнее деление на хлебопроизводящие и хлебопотребляющие губернии неверно. Так как транспортный кризис и собственно доставка запасов продовольствия изменили логику различия губерний. Власти Сызранского уезда 27 сентября приняли решение два вагона муки (крупчатка), предназначенной для лазаретов, использовать для населения, поскольку положение сложилось отчаянное, а скорая поставка из своей губернии была невозможна. Посылка военных отрядов также была малоэффективна, так как в уезде наблюдался неурожай²⁵. Временное правительство просило разрешить поставку из Самары 10 тыс. пудов хлеба заимобразно из Самарской губернии, но местные комитеты и граждане, прежде всего крестьяне, препятствовали вывозу²⁶.

Новые участники продовольственной дележки — Советы — явочным порядком изымали и распределяли хлебные и продуктовые запасы, часто малоэффективно (в силу непрофессионализма): «По Сызрани в июне 1917 года поползли слухи о том, что торговцы спрятали мануфактуру и муку в ожидании повышения цен. Грозя смертью, толпа женщин окружила городского голову на улице и заставила его произвести ряд обысков,

чтобы найти сахар. К вечеру в Сызрань прибыли вагоны с сахаром и их предоставили в распоряжение толпы. Толпа успокоилась. На другой день местный совет распорядился закрыть торговые помещения и произвел официальный учет товаров. Из-за незнакомства с товарным делом переписывали три недели (!)»²⁷.

Слабое поступление зерна приводило к тому, что приходилось значительно сокращать нормы выдачи муки и хлеба не только населению, но и армии. Солдатский паек понизили до 2,0 фунта печеного хлеба на фронте и 1,5 фунта в тылу, что в переводе на муку составило соответственно 40 — 42 и 30 — 32 фунта

муки в месяц. Нормы, по которым фактически снабжалось население, были далеки от предельных, установленных приказом от 29 апреля 1917 г., т. е. солдату выдавалось меньше, чем ребенку.

Хлебная монополия превратилась в хлебную диктатуру, и крестьяне окончательно разочаровались во Временном правительстве. Эсеры были их единственной надеждой на политическое решение насущных проблем. Крестьянство ответило на нарушение негласного соглашения об обмене хлеба на промышленные товары саботажем и отторжением всех решений Временного правительства, оказав сопротивление продовольственной диктатуре.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ См.: **Старцев В. И.** Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 280.
- ² См.: **Кабытов Н. Н.** Февральская революция 1917 года в России и городские думы // Вестн. Самар. ун-та. 1997. № 3. С. 46.
- ³ См.: Известия Саратовского Совета. 1997. 26 сент. С. 3.
- ⁴ См.: **Рейли Д.** Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995. С. 237.
- ⁵ См.: **Давыдов А. Ю.** Мешочники и диктатура в России. 1917 — 1921 гг. СПб., 2007. С. 34.
- ⁶ См.: **Вольнец А.** Первая блокада Петрограда [Электронный ресурс]. URL: <http://rusplt.ru/policy/blokada-pitera-9693.html> (дата обращения — 15.10.2015).
- ⁷ См.: **Давыдов А. Ю.** Указ. соч. С. 35.
- ⁸ См.: **Сидоров А. Л.** Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 488.
- ⁹ См.: **Сидоров А. Л.** Указ. соч. С. 493.
- ¹⁰ Цит. по: **Вершинина Е. А.** Продовольственные комитеты Нижегородской губернии в 1917 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru> (дата обращения — 15.09.2015).
- ¹¹ Государственный архив Ульяновской области. Ф. 677. Оп. 2. Д. 1. Л. 11 — 11 об. (далее — ГАУО).
- ¹² Там же. Л. 13.
- ¹³ См.: Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. М., 1929. Т. 1, ч. 1. С. 83.
- ¹⁴ См.: **Шефлер М. Е.** Организация продовольственного дела. М., 1917.
- ¹⁵ Там же. С. 11.
- ¹⁶ Там же. С. 32.
- ¹⁷ Там же. С. 30.
- ¹⁸ Там же. С. 9.
- ¹⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 391. Л. 87 (далее — ГАРФ).
- ²⁰ Там же. Л. 88.
- ²¹ Симбирская народная газета. 1917. 13 сент.
- ²² ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.
- ²³ См.: **Орлов Н.** Продовольственная работа Советской власти. К годовщине Октябрьской революции. М., 1918. С. 77.
- ²⁴ Государственный архив Новейшей истории Ульяновской области. Ф. 57. Оп. 1. Д. 214. Л. 2.
- ²⁵ Там же. Д. 210. Л. 10.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 165. Л. 30.
- ²⁷ Там же. Д. 172. Л. 18.